

Текст · 26 ноября 2021, 09:21

Никита Сологуб,

Зал стыда. Знакомьтесь, **parasweeds** — осужденный художник, который продает работы на NFT-аукционе и донатит «Руси сидящей»

Могут ли попавшие в тюрьму художники продавать свои работы с помощью блокчейна? Таким вопросом весной **задался** американец Нэйт Фиш — основатель издательства *Brick of Gold*, публикующего альбомы с работами заключенных и сборники их писем. Обсудив эту мысль с юристами и экспертами из мира искусства, Фиш пришел к выводу, что никаких препятствий для заключенных нет, и в качестве эксперимента выложил на самую популярную платформу для реализации *NFT*^[1] *OpenSea* **работы** трех таких художников.

Для каждой он назначил цену в три эфира^[2]. «Вот тебе, пожалуйста, мир — первые *NFT*-работы заключенных художников. Делай с ними и со мной, что захочешь», — написал Фиш. До сих пор никто эти *NFT* не купил. Не показал успешных примеров работ заключенных и беглый поиск^[3] по другим популярным *NFT*--платформам.

Возможно, Фиш не пришел к успеху из-за того, что не знал, как работает рынок *NFT*, не заручился поддержкой специалиста, выставленные произведения не были связаны общей идеей, а у их

авторов не было аккаунтов на других платформах и даже в социальных сетях.

Павел Сказкин отбывает наказание в Брянской области. Об этой попытке американского издателя он ничего не знал, но как будто учел все ошибки — и в ноябре 2021-го работы, которые он публикует под ником *parasweeds*, начали успешно продаваться.

23 свертка с гашишем

В СИЗО Павел Сказкин оказался в марте 2017-го — когда ему было 26. Отдельные штрихи в его биографии до ареста напоминают многих москвичей, родившихся в начале девяностых. Отец умер, когда Павлу было девять. Мальчик остался с мамой, бабушкой и дедушкой. Родственники выпивали. Еще в школе стал курить марихуану. Некоторое время в середине нулевых увлекался субкультурой эмо. Был общительным в интернете и стеснительным на людях. В соцсетях пользовался никнеймом *parasweeds*. Слушал «Кровосток» и подборки злой рэп-музыки из [паблика](#) *Guerilla*. Рано начал жить с девушкой и стал отцом — выбранный из-за созвучности с именем Павел никнейм обрел новый смысл. Пытался зарабатывать дизайном (в портфолио можно даже [найти](#) его участие в конкурсе на логотип «Открытой России»).

Но заработать больше удавалось в магазине приспособлений для курения *Bongo Bong*. Сильнее замыкался в себе и считал «лучшим другом» британского музыканта Ричарда Ди Джеймса — *Arhex Twin* — и его *IDM*-работы начала девяностых.

В середине 2010-х *RAMP*^[4] стал стремительно завоевывать популярность среди любителей психоактивных веществ. Не мог не заметить его и увлеченный марихуаной Сказкин. «Внезапно появилась крипта, нижний интернет, теневые рынки, даркнет, — вспоминает он. — Я стал отовариваться там. В какой-то момент я набрел на объявление, что требуются сотрудники. Закончилось это тем, что я нахожусь тут».

Согласно приговору, Сказкина задержали в одном из московских лесопарков. С собой у него было 23 свертка с гашишем общей массой 156 грамм. «По стечению обстоятельств, собственной глупости и лени я пошел туда пешком, — рассказывает он. — В какой-то момент слышу голос: "Молодой человек". Впереди идет мигрант, я сначала думал, что это ему. Затем снова: "Молодой человек!". Потом меня просто схватили за руку и повезли на досмотр в отделение. Это все закрутилось, завертелось — я думал, что все закончится, что сейчас мне откатают пальцы и отпустят. Я спрашиваю в отделении, что мне грозит? "Да скоро домой поедешь, все нормально". Но домой я так и не дошел».

Во время обыска в квартире нашли еще несколько десятков грамм гашиша. Дома были дети — к тому моменту их стало уже трое — и супруга. «Старшей было пять лет. Она спросила у сотрудников: "А папа куда?". Один ответил: "Ну, папа твой приедет лет через десять". Типа, расслабься, малая. Я после этого сказал сотрудникам, что где находится, чтобы они ничего не ломали и не чудили, пока ищут. Все забрали, и они уехали», — говорит Сказкин.

Изъятое следствие расценил как два эпизода покушения на сбыт наркотиков в крупном размере^[5].

С обыска повезли на допрос в отдел полиции в Мещанском районе Москвы. Отрицать вину было бессмысленно. Хотя происходило все весной 2017-го — в год, когда *RAMR* после почти шести лет существования **закрылся** на пике популярности, а о даркнете, казалось бы, знали почти все жители крупных городов — полицейские не понимали его объяснений про анонимность в даркнете.

«Сотрудники, которые меня упаковали, для них это было вообще что-то такое, будто с космоса, — замечает Сказкин. — "Да не ***** [привирай], ты какую-то дичь нам втираешь!". Оперативники, следователи, которым было в районе тридцати, даже если и понимали, о чем речь, но были или очень далеки от этого, или делали вид, что были. Все говорили: "Сдай кого-нибудь, расскажи". Я опять объясняю, что мне — честно — нечего рассказать. Я работал с обезличенными людьми: он не знает, кто я, я не знаю, кто он».

В «стакан» автозака — глухую металлическую камеру размером не больше метра на метр — его посадили вместе с «лысым мужичком», перебиравшим четки из сушеных фиников. «Страшно было до усрачки», говорит Сказкин: для дизайнера, среди чьих родственников и друзей не было судимых, он выглядел как «карикатурный зэк». На вопрос заключенного Сказкин показал ему постановление суда об аресте, рассказал, за что его задержали, а потом сам попросил объяснить правила взаимодействия с

сокамерниками. Мужчина сказал: «Лучше принимай ислам, либо тебя ***** [опустят]». Испуганный Сказкин воспринял его слова всерьез. Лысого заключенного высадили на Петровке, 38^[6], а вместо него посадили мужчину, которого дизайнер про себя прозвал армянином. С ним москвич пробыл почти двое суток на карантине. Шутить, как лысый заключенный, армянин не стал и дотошно пытался научить Сказкина правилам поведения в тюрьме.

В первую ночь в СИЗО в «намордник» на окне спустилась бутылочка из-под соуса с чаем и примотанными к ней шоколадками и сигаретами, вспоминает Павел. После такого подарка и беседы с армянином ему стало спокойнее.

В камере после карантина Сказкина встретили «максимально дружелюбно». Свою историю ему пришлось повторять и «смотрящему» за камерой. Через несколько дней Сказкин понял, что поступил правильно, не скрывая подробностей в своем рассказе — когда проснулся на шконке от того, что сокамерники пинают мужчину, который, пытаясь спастись, ползет под стол.

«Подхожу, спрашиваю, что случилось: ну вот, типа, он засахарился, ***** [сказал неправду], ***** [солгал], короче, обманул. Сказал, что типа не барыга, а чисто для себя все. А там такие моменты очень быстро узнаются — позвонили одному, позвонили другому. Ты скажешь, что ты не насиловал эту 15-летнюю девочку — через час это все узнается. Потому что выясняется все очень быстро. И такие люди оказываются либо в "петушатне", в этой *down*

cast, либо в "шерсти", и все плохо у них заканчивается. В тюрьме нужно говорить всегда правду», — говорит Сказкин. После трех месяцев в «Бутырке» он уехал в СИЗО «Медведково» — в камеру с тремя шконками на четырех заключенных.

Через несколько месяцев прокурор запросил дизайнеру 10 лет в колонии строгого режима. Приговор должны были огласить на следующий день. Вернувшись в камеру, Павел стал писать прощальную речь для жены — с детьми или без них, но она приезжала на каждое заседание — в которой просил не ждать окончания срока и устраивать свою жизнь, уже не обращая внимание на него.

Отдавать записку не пришлось: 16 августа Мещанский районный суд дал ему почти вдвое меньше запрошенного — шесть лет.

Иллюстрации: Арина Истомина / Медиазона

Строгий режим на Десне

Отбывать наказание Сказкина отправили в колонию строгого режима №1 в Брянске — окруженную болотами

«копейку» на реке Десна. Павел говорит, что у него была цель выйти как можно скорее — поэтому в колонии он сразу пошел работать. «Все, абсолютно все, хотят уйти раньше, — уверен он сейчас. — Даже, условно, те, кто по АУЕ^[7] и прочее, говорят: "Ой, я буду сидеть до талого", а на самом деле видно очень, что они по ночам рыдают в подушку от того, что хотят хоть как-то срок сократить».

Заклученные там занимались изготовлением резиновых изделий для РЖД — прокладок и гармошек, которыми соединяются вагоны в поездах. Шесть восьмичасовых рабочих дней в неделю. Возможность не ходить в столовую, когда есть еда из передач, и тратить это время на свои дела. В 6 утра играет гимн, но сразу никто не просыпается. В 22 часа снова гимн — уже для отбоя — но после того, как надзиратель пересчитает всех, при желании можно и не спать. По бараку ходит из рук в руки телефонная трубка, иногда доходит и до тебя. Сказкину показалось, что жить там можно.

Что нет смысла вступать в конфликты с сотрудниками, он понял быстро. В первую же неделю на промзону приехала проверка, один из проверяющих чинов заметил, что на рабочей робе Сказкина нет нагрудного знака — бирочки с именем, фамилией и статьей, которую новому заключенному выдали в единственном экземпляре.

«Не было у меня этой бирки сраной, — вспоминает дизайнер. — На обычной робе была, а на рабочей не было: не дали мне ее, я подумал, что так и надо. А тут этот проверяющий заметил, записал меня. Пацаны с

промки такие: "Оооо, ну все, ***** [конец] тебе". Что, за знак? Проходит время и меня зовут на комиссию для нарушителей. Приходит начальник учреждения и спрашивает: а почему не было знака? Ну вот по факту как нет, так и не было. Ну, подойдешь к начальнику отряда и он тебе распечатает. Ну хорошо. Свободен? Свободен. Все, разговор длился меньше минуты».

Тогда Павел еще не знал, как этот короткий разговор повлияет на его жизнь.

Если до ареста он был не самым удачливым дизайнером, то заключенные признали в нем талант художника: «Я поначалу рисовал, чтобы отвлечься. И еще на централье началось — стали простыни просить меня разрисовать. Одному мусульманину сделал простынь — мечеть, месяц, потом мы ее сложили и получился коврик, чтобы молиться, по красоте. На зону я тоже, как приехал, что-то рисую, один, бац, подходит — а напиши там красивыми типа кренделями письмо, я мамочке своей любимой отправлю. Нарисуй мне открытку, нарисуй то, нарисуй се. Ну и для себя я рисунки делал, просто потому что мне нравится. Отправлял детям, потому что подарков я никаких сделать не мог».

Узнав о художнике, начальник отряда предложил ему рисовать стенгазеты в обмен на поощрения. Тот согласился.

Весной Десна разлилась и «копейку» подтопило. Заключенных стали вывозить в другие колонии. Сказкина отправили в саратовскую ИК-10. Там он узнал, что зоны бывают и другие: хотя «переселенцев» содержали отдельно от постоянных

обитателей, было ясно, что в столовую тех водят строем, а за лагерем, хоть и режимным, наблюдали «смотрящие». Через полгода он ехал обратно в Брянск в «столыпинском вагоне» с молчаливым молодым человеком с палочкой в руках, которому самый жесткий — особый режим — заменили на строгий. Попутчикам удалось разговорить заключенного только под конец — так стало очевидно, что существуют и зоны, на которых «конкретно убивают».

В «копейке» за это время высадили цветы на плацу. Сказкину видеть их было удивительно — серые цвета зоны быстро приедаются. Заключенные, вернувшиеся раньше, рассказывали, что летом фсиновцы «ломали зону»: пригоняли ОМОН, забирали средства связи и кустарные самогонные аппараты.

Павла их возмущение удивляет и сейчас: «Тебя лишили того, чего и так нельзя. Извини, ты приехал в тюрьму — ты уже ***** [влетел]. Ты ухудшаешь себе положение этим. Тебя кормят? Да, ***** [так себе], но кормят. Тебя одевают? Да, ***** [так себе], но одевают. Тебе дают работу, но за нее не платят? Ну, ***** [елки], извини. Это тюрьма. Конечно, бывают и несправедливые случаи — выговор за незастегнутую пуговицу — но, опять же, просто не давай повода наказать тебя, мне это один зэк сказал сразу, как я заехал. Если тебя провоцирует сотрудник — просто говори, да, гражданин начальник, не прав, не обессудь. Развернулся и ушел. Ты находишься не на воле, это другой мир совершенно».

Блокчейн. «Я понял, что хочу скорее в это влиться»

Тяжелее прочих лишений дизайнеру, который на воле пытался быть в курсе новых альбомов, фильмов и технологических новшеств, одно из которых — даркнет — и привело его в колонию, давался информационный голод. В 2017 году начал резкий рост биткоин, о достижении отметки в 20 тысяч долларов рассказывали даже по телевизору, который иногда смотрел Сказкин. Чтобы узнавать обо всем новом, он выписывал доступные заключенным журналы — «Вокруг света», *GQ*, *Men's Health*.

Основным поставщиком новостей о блокчейне стали журнал «Популярная механика» и рассказы супруги, которая приезжала на свидания. Но отсутствие новых знаний все равно, говорит заключенный, доводило «буквально до ломки», поэтому он стал изучать УК, УПК и другие правовые кодексы, читать жалобы других заключенных и ответы на них.

Подавать на условно-досрочное освобождение было еще рано, поэтому, когда в 2020-м прошла половина срока^[8], Сказкин стал добиваться замены неотбытой части наказания его более мягким видом — это могло бы решить проблему информационного голода, получить доступ к интернету на менее жестких режимах было бы проще. В качестве предпочтительного вида наказания Павел в своем заявлении указал принудительные работы — он знал, что на них заключенных отправляют в исправительные центры, где можно пользоваться средствами связи.

Но на заседании суда Сказкина ждал сюрприз: судья зачитала его личное дело, по которому выходило,

что с выговором, полученным из-за отсутствия бирки на рабочей робе, он не согласился, на «беседу воспитательного характера не отреагировал» и «правильных выводов для себя не сделал». И хотя у художника было 13 поощрений от администрации, полученных за стенгазеты и работу в промзоне, в замене наказания судья отказала.

Через четыре месяца суд рассмотрел апелляцию и снова отказал. Еще через три другой суд рассмотрел кассационную жалобу и отказался ее рассматривать. Еще один месяц — и Верховный суд России указал, что сам факт существования взыскания не может становиться поводом для отказа. Еще три — и ходатайство все же было удовлетворено. Всего одиннадцать.

Из колонии Павел Сказкин вышел 16 июня 2021-го. На улице его встретили жена и дети, впервые за годы увидевшие его на улице, а не в комнате длительных свиданий. Сам он наконец оказался в белой футболке и кепке *Tommy Hilfiger*, а не в робе.

Отбывать принудительные работы его отправили в городок Сураж с населением меньше 10 тысяч человек, в той же Брянской области, в нескольких километрах от границы с Беларусью. Живет он в кирпичном двухэтажном доме на территории УФИЦ-^[9], напоминающим общежитие. Здесь не зоновские шконки, а односпальные кровати. Есть пластиковые окна и стиральные машины. Проверки четыре раза в день — нужно встать в строй, назвать свое имя и статью, чтобы во ФСИН поняли, что осужденные «не размножились и не убыли», объясняет Павел.

Напоминает студенческое общежитие — в лесу и за высоким забором, за которым расположена колония-поселение. Там все еще ходят в робах.

Работает Сказкин на местном хлебозаводе, по 12 часов, два через два. От скуки давит тараканов, которых там в избытке. За вычетом процентов в пользу государства, определенных судом, получает девять тысяч рублей. «Вольные» работники завода получают около 13 тысяч. На выходных можно написать заявление и выйти за территорию в личных целях — с девяти утра до девяти вечера.

Но делать в Сураже нечего, признается Павел: «Тут не стоят бачки, а просто на улице в пакетах бросают мусор и по утрам сотрудники ЖКХ их собирают. Тут люди передвигаются часто на мотоблоках: вместо лезвий ставят колеса и с крейсерской скоростью пять километров в час едут по обычной дороге. Коровы тут переходят дорогу стадами. Тут три "Магнита", две "Пятерочки" и все. Нет даже круглосуточного магазина или аптеки, только заправка».

Поэтому в выходные Павел практически все время рисует — теперь не от руки, а на старом *iPad*, который ему привезла жена. Созданные еще в колонии наброски он заново обрисовывал в приложении, загружая в свое портфолио на *Behance*.

«Когда я понял, сколько я всего упустил, я был в шоке, — вспоминает Павел. — Все теперь в цифре. По федеральному каналу — реклама приложения на телефоне. Да ну ***** [что такое], блин? Даже "Сбербанк" стал экосистемой, "Сбером". Владимир

Владимирович говорит что-то о "метавселенной"^[10] — понятно, что ему этот текст написали и он не в курсе, о чем говорит, но сам факт. Я понял, что хочу скорее в это влиться, стал пытаться наверстать упущенное время».

«Мы поможем Паше. Мы раскачаем проект»

К моменту воссоединения Сказкина с интернетом весь мир уже успел обсудить *NFT*. Сожженная Бэнкси работа *Morons (White)* уже была выкуплена блокчейн-компанией *Injective Protocol* у галереи за 95 тысяч долларов — ее превратили в первый невзаимозаменяемый токен, привязанный к цифровому образу предмета искусства. Уже сформировался рынок подобных сертификатов на арт-объекты, и даже в России сложилось коммьюнити этого рынка, со своими фаворитами и знаменитостями.

В августе Сказкин под старым ником *parasweeds* попытался прикоснуться к этому миру, вступив в тогда еще открытый чат телеграмм-канала *NFT Bastards* (сейчас на канал подписаны около 20 тысяч человек, а в чате состоят около 3 тысяч).

На аватаре у него тогда стоял Шрам из «Короля льва». Кто-то пошутил, что это один из главных злодеев в мультфильмах Диснея, поэтому ему тут не рады. Сказкин вспоминает, что он стал задавать общие вопросы про *NFT* — какие есть платформы, где не нужно тратить на публикацию для дальнейшей продажи. Выбор пал на *Hic Et Nunc*^[11] с минимальной комиссией за мінт^[12] и другие

транзакции. Максимум, за который была продана работа *parasweeds* на этой платформе — три доллара.

Обсуждения в чате в основном сводились к тому, у кого какие продажи работ, кто в какой географической точке находится и кто что ел на завтрак. Сказкин в них не вмешивался, но когда участники чата в очередной раз стали скидывать фотографии открывающегося перед ними вида, не удержался и отправил свою фотографию — забор с колючей проволокой.

«Какая-то девочка спрашивает, о, вы там работаете? — вспоминает он. — Я говорю: да нет, не совсем. Другой пользователь спросил, как так получилось. Я обрисовал ситуацию: так и так, сидел на строгом, а теперь здесь. Отреагировали вяло, вскоре эти сообщения ушли наверх. Но от некоторых людей реакция все же была: что, типа, вообще все это плохо, сам виноват. Я не спорю, я это прекрасно понимаю, что это исключительно мой косяк, спорить тут вообще не о чем. Я сам себя сюда привел, это последовательность моих действий, которая привела меня в тюрьжку. Тут винить некого. Я живу в России, я знал, какие законы, я знал, на что иду. Естественно, я не рассчитывал попасть в тюрьму. Но я не знал, насколько сильным будет осуждение. Я думаю, дело в менталитете, может быть, в русском, может быть, просто человеческий фактор».

С осуждением в тот же день Сказкин столкнулся и в обычной жизни: хотел попасть к врачу, пришел в поликлинику без паспорта, который заключенным не выдают на руки, но со справкой об отбытии

наказания, и получил отказ в приеме: «Я дал полис, который тут сделал, дал справку, а мне в регистратуре сказали: "О, вы осужденный? Ну, мы не знаем, как вам помочь". То есть безрезультатно все это прошло — на осужденного все равно смотрят свысока». Получалось, что между сотрудницей регистратуры из провинциального города и представителями прогрессивного русскоязычного *NFT*-комьюнити не такая уж и большая разница, рассудил художник.

Один из пользователей чата — тот самый, который спросил, как получилось, что Павел оказался в заключении, все же заинтересовался его историей. Это был живущий сейчас в Грузии криптоэнтузиаст Илья Орлов с никнеймом [UnderKong](#), в чьей [коллекции](#) сейчас больше 20 произведений в *NFT*. «Мы по другую сторону блокчейна, нам неважно, сколько стоит биткоин, — смеется Орлов. — Как [говорил](#) предприниматель [Алишер] Усманов [про интернет]: "Я его не пользую, я его развиваю". Так же я могу сказать про блокчейн. Моя основная работа — мы занимаемся криптографическим шифрованием и запускаем *NFT*-платформу для [интернета вещей](#) в швейцарской компании».

По словам Орлова, он «был просто в шоке», когда спросил у знакомых пользователей чата, почему они проигнорировали Сказкина: «Я сразу был в восторге, потому что это удивительная абсолютно история, которая заслуживает Оскара, можно фильм снять! То есть чувак тоже в *NFT*, но он сидит! Он преодолел вселенную этого мракобесия и в состоянии что-то делать, писать, ну, это же феноменально круто! Я думал: мы должны поддержать! Мне казалось, что

сообщество должно сказать — да ну ***** [офигеть]! Дать бесплатную рекламу, поехать его навестить в эту Брянскую область. Но всем вообще было ***** [безразлично] абсолютно».

«У всех полное такое молчаливое презрение, абсолютное нежелание своему человеку — потому что он наш, он мыслит так же, в крипте, минтинге, листинге, в этих протоколах, где дешевле, где дороже — помочь, — сокрушается Орлов. — Я увидел в нем потенциал и подумал: всем на него пофиг, ну и нам на них, в принципе, пофиг».

Он решил, что акцент в позиционировании художника с никнеймом *rapasweeds* нужно делать на истории его заключения: «Я жил на Западе, и я понимаю, что они там очень любят Достоевского за всю эту глубину, за боль. Они и *Pussy Riot* полюбили за то, как их ранила власть. И это для них как театр и шоу, которое продается. Я подумал, ну почему нет? Мы поможем Паше. Мы раскачаем проект».

Иллюстрации: Арина Истомина / Медиазона

«Адский вызов» и пожертвования на работу «Руси сидящей»

Увидев работы *parasweeds*, Илья Орлов сделал ему три предложения. Первое — с неинтересного с точки зрения раскрутки *Hic Et Nunc* перейти на платформу *Foundation*, ставшую актуальной из-за своей системы приглашений: завести аккаунт и выставить на ней работу можно только по рекомендации автора, уже успешно продававшего там свои работы. Продажи происходят в формате аукциона: когда кто-то из покупателей предлагает цену, другим даются сутки, чтобы перебить ее, а в дальнейшем каждое повышение цены продлевает торги еще на час.

Второе — анимировать работы, потому что «цифровое искусство в головах людей воспринимается как что-то движущееся, живое, его представляют как часть метавселенной».

Третье — акцентировать внимание на тюремном опыте Павла, а для этого заключить смарт-контракт, по которому эфиры за проданные в аккаунте *parasweeds* работы делились бы поровну между Сказкиным, Орловым и кошельком, указанным для получения пожертвований в этой криптовалюте на сайте правозащитной организации «Русь Сидящая»-^[13]. Орлов видел выступления создательницы «Руси» Ольги Романовой на «Дожде»^[14] и хотел поддержать ее работу, а Сказкин был рад помочь другим заключенным.

Коллекцию на *Foundation* называли «66+6»: концепция состоит в том, что в аккаунте до дня освобождения Павла Сказкина 19 марта 2023 года будут выставлены

на продажу 72 работы. В описании аккаунта *parasweeds* написали: «*NFT*-художник в российской тюрьме. Отец трех жемчужин. Глупый дурак. Любящий муж. Экс-админ в даркнете. Создатель 66+6. . 33,3% с каждого дропа будет перечислено в НКО "Русь сидящая"».

Вложения в *parasweeds* были небольшими, говорит Орлов. Восстановили твиттер, последние твиты в котором — «Пускаю последние летние соки #420 #420life #weeds #WeedIsLife #HighLife» и «Череда бешенства и не бешенства» — были написаны в сентябре 2014-го. Теперь Сказкин стал вести его на английском: публиковать оцифрованные работы с зоны, фотографии детей и добавлять к картинам из своей повседневности анимацию.

Орлов нагнал в подписчики немного азиатских аккаунтов. Купил один рекламный пост в канале *NFT Bastards*. Из своих денег заплатил комиссии, чтобы работы появились на *Foundation*. Чтобы было дешевле, приходилось выжидать, когда комиссии упадут в цене. Каждый из трех дропов, по его словам, обошелся примерно в 300 долларов.

Первой вышла работа «Зал стыда»: на ней судья с расстегнутой сзади мантией одной рукой машет зиплоком с конфетами, а другой стучит молотком перед плачущим ребенком.

Это даже не назовешь метафорой, смысл произведения доступно раскрывается в сопроводительном тексте: «Каждый приговор, произнесенный в зале суда, похож на смертный приговор. Годы вашей жизни мгновенно отнимаются.

Я чувствовал себя беспомощным, уязвимым ребенком. Стыд, который я чувствовал перед женой и детьми, убивал меня. Я все смотрел на ее слезы и с трудом удерживался от слез, но на самом деле это могли быть слезы радости. Я повторяю себе: "Слава богу, прошло не десять лет", как будто это была проклятая мантра. Российская тюрьма — ужасное исправительное учреждение, призванное стыдить и ломать людей. Я пять лет изучал их учебную программу и скоро закончу».

Вторая, не менее понятная, с названием «Испорченное»: страдающее лицо, напоминающее Сказкина времен ареста прической и тоннелями в ушах, выпускает изо рта кристаллы, цифры 420^[15] и другие веселые психоделические изображения.

Описание такое же пронзительное: «Всю свою жизнь я слышал от окружающих, что я делаю что-то не так. Это плохо, это невозможно, это недопустимо, этого не поймут. Я никогда не представлял это, но все повернулось так, что быть тем, кто ты есть на самом деле — это недопустимая роскошь, и большинству людей запрещено делать то, что они хотят, и быть тем, кем они хотят. Пытаясь пойти против системы, никогда не знаешь, где окажешься. Ты должен быть осторожен со своими желаниями, и в то же время не отказываться от мечты и надежды, хранить их в надежном месте, в своем сердце и душе ».

И третья, с надеждой на будущее, «Адский вызов»— : «После всего этого унижения, через кровь, пот и слезы за российской решеткой, несмотря ни на что, я верю, что я почти победил в этом ужасающем раунде.

В то же время я считаю, что это было послание от Вселенной, которое я принял достойно. Теперь мой черед бросать кости, бросить вызов — я обращаюсь к дикой Метавселенной, со всей ее неограниченностью и разнообразием: пусть игра начнется».

4 ноября Ольга Романова, не называя имен, написала в фейсбуке пост об осужденном в России художнике, продающем *NFT*. Его заметила журналистка Анна Байдакова, пишущая для американского издания о блокчейне *CoinDesk*. 11 ноября там вышла небольшая заметка о *parasweeds*. 16 ноября неизвестный пользователь отдал за вторую работу — «Испорченное» — две трети эфира^[16].

Орлов уверен: из исправительного центра в Брянской области Павел Сказкин полетит на свою выставку в Нью-Йорк. Свой вклад в развитие проекта *parasweeds* — вскоре, как он обещает, к нему присоединятся фотограф и гейм-дизайнер — он считает экспериментом, с помощью которого он хочет помочь тому, кто в этом нуждается, а не долгосрочной инвестицией. «Спекулятивный интерес» им не движет, говорит Орлов, но «живучесть бизнес-модели» для него очевидна.

Почти за месяц до первой успешной продажи Сказкин писал в твиттере: «Я искренне верю, что это реальный путь к успеху, и он не может быть простым. Я дал установку: через год я должен выполнить свою задачу, выйти на вершину».

На вопрос о том, что для него «вершина», художник отвечает так: «Я хочу, чтобы ни в чем не нуждалась

моя семья. Я не хочу быть знаменитостью, но, безусловно, финансовое положение решает многие вопросы. Я хочу, чтобы, когда ребенок скажет: "Пап, я хочу это" — я мог это дать ему. Я и так ***** [профукал] почти пять лет жизни с ними. Моя вершина — делать для них все хорошее, и мне это по кайфу, это моя задача. Мне по кайфу слышать, как они снимают тиктоки, как смотрят на ютубе tutorиалы по рисованию, как их хвалят родители. Мы с женой привели их в этот мир, и это наша ответственность — делать их жизнь еще лучше».

Утром 24 ноября Сказкин шел на работу, через «кружочки» в телеграмме комментируя свой путь на хлебозавод, мимо голубых заборов и двухэтажного одноподъездного дома: «Чисто балабановские пейзажи».

В этот момент ему пришло оповещение: какой-то пользователь открыл аукцион на работу «Зал стыда», вторую из дропа. Ставка была в целый эфир^[17].

Спустя сутки треть этой суммы пришла на его криптокошелек. Еще по трети получили Илья Орлов и «Русь сидящая».

Редактор: Егор Сковорода

1. Non Fungible Token. Токен — это отдельная запись в блокчейне, все они равны и взаимозаменяемы. А NFT — это аутентичные и неповторимые токены, существующие в единственном экземпляре; именно поэтому технология NFT стала популярной на арт-рынке — по

сути, это сертификат на владение произведением искусства, которое находится в вечном хранилище.

2. ETH или «эфир» — криптовалюта на базе блокчейна. На момент публикации курс эфира был равен 4 280 долларов.

3. Помимо OpenSea «Медиазона» искала успешно проданные работы заключенных на платформах Rarible и SuperRare; нашлась только одна подобная коллекция Candied Skulls: 64 изображения однотипных черепов, созданных, согласно описанию, «тюремными художниками», но и ей никто не заинтересовался.

4. Russian Anonymous MarketPlace — даркнет-рынок на основе форума, ставший первой популярной русскоязычной площадкой для продажи наркотиков.

5. Часть 3 статьи 30, пункт «г» части 4 статьи 228.1 УК.

6. Здесь находится главное управление МВД по Москве, в нем расположен, в том числе, изолятор временного содержания.

7. «Арестантское уголовное единство». Движение с таким названием признано в России экстремистской организацией и запрещено.

8. Согласно статье 80 УК, этого срока достаточно для замены наказания приговоренным к лишению свободы за тяжкое преступление.

9. Участок, функционирующий как исправительный центр.

10. «Государство должно взять на себя ответственность за хранение критически важной информации. Речь уже идет не о том, чтобы обеспечить кибербезопасность самого человека, но и его виртуального двойника — аватара внутри формирующихся метавселенных», — сказал Путин в начале ноября на конференции по искусственному интеллекту и анализу данных Artificial Intelligence Journey 2021.

11. Сейчас она уже закрыта.

12. Mint — буквально «чеканка», акт добавления токена на блокчейн.

13. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что Благотворительный фонд помощи осужденным и их семьям, в который входит «Русь

сидящая», внесен Минюстом в «реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента».

14. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностраннных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что телеканал «Дождь» внесен Минюстом в реестр СМИ, выполняющих функции «иностранного агента».

15. «Четыре-двадцать» — термин, который часто используется для обозначения популярного времени курения марихуаны.

16. Около 2,8 тысячи долларов.

17. 4,3 тысячи долларов.